

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-1.27>

Крапивкина Ольга Александровна

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АРГУМЕНТАЦИИ И МАНИПУЛЯЦИИ В СУДЕБНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ

В статье рассматривается диалектическое взаимодействие аргументации и манипуляции в судебных дискурсивных практиках. Отмечается, что манипуляция как способ речевого воздействия на иррациональную сферу сознания нарушает логические законы, однако позволяет быстрее добиться перлокутивного эффекта речи, чем логически выстроенная аргументация, если адресатом выступают носители наивного сознания. Соотношение аргументации и манипуляции в судебном дискурсе детерминировано интенциональным состоянием говорящего, фактором адресата и модусом общения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/12-1/27.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 12(90). Ч. 1. С. 130-134. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

5. **Кочкина Д. С.** Отражение фразовых глаголов экономической тематики английского языка в современных словарях // Лексикографическая копилка: сб. науч. ст. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2017. Вып. 1. С. 23-32.
6. **Лебедик В. Н.** Трудности перевода английских фразовых глаголов // Обучение иностранному языку студентов высших и средних образовательных учреждений на современном этапе: материалы всероссийской научно-методической видеоконференции (с международным участием). Благовещенск: Амурский государственный университет, 2015. С. 143-147.
7. **Лингвометодические аспекты профессионально ориентированного обучения иностранным языкам: традиции и инновации:** монография / под ред. В. П. Барбашова, И. И. Климовой, М. В. Мельничук, Л. С. Чикилева. М.: Финансовый университет, 2014. 240 с.
8. **Мудрова Л. Г.** Фразовые глаголы в деловом английском языке // *Lingua mobilis*. 2014. № 1 (47). С. 109-112.
9. **Нежведилова Л. А.** К вопросу об обучении английским фразовым глаголам студентов I-II курсов неязыковых вузов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 8 (26). Ч. 1. С. 118-120.
10. **Сескутова И. К.** Публицистические тексты в стилистическом измерении // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. № 650. С. 53-59.
11. **Солодушина К. А.** *Modern Dictionary of Phrasal Verbs and Idioms in the Language of Business* (Современный словарь фразовых глаголов и идиом в сфере экономики и бизнеса). СПб.: Антология, 2008. 800 с.
12. **Степанова И. Б.** Фразовые глаголы в английском языке делового общения // Наука и Мир. 2014. Т. 2. № 12 (16). С. 59-63.
13. **Столянков Ю. В.** Фразовые глаголы с точки зрения проблемы слова и словосочетания в современном английском языке // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 2. С. 170-177.
14. **The Guardian** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com> (дата обращения: 19.07.2018).

**ENGLISH PHRASAL VERBS IN PUBLICISTIC TEXTS OF ECONOMIC ORIENTATION
(BY THE EXAMPLE OF *THE GUARDIAN* MAGAZINE ARTICLES)**

Kalugina Olga Anatol'evna

*Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow
kaluginaruc@mail.ru*

The article considers the peculiarities of using the English phrasal verbs in publicistic texts of economic orientation. The theoretical foundations of studying the English phrasal verbs are analysed, and the characteristic features of phraseological units are identified. The examples of the English phrasal verbs in publicistic texts of economic orientation with regard to the semantic and syntactic specificity of these units are given. The author considers the techniques of phrasal verbs translation in publicistic texts of economic orientation.

Key words and phrases: phrasal verbs; publicistic text; semantic and syntactic specificity; socio-economic context; instructional guidelines.

УДК 81'22

Дата поступления рукописи: 19.09.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-1.27>

В статье рассматривается диалектическое взаимодействие аргументации и манипуляции в судебных дискурсивных практиках. Отмечается, что манипуляция как способ речевого воздействия на иррациональную сферу сознания нарушает логические законы, однако позволяет быстрее добиться перлокутивного эффекта речи, чем логически выстроенная аргументация, если адресатом выступают носители наивного сознания. Соотношение аргументации и манипуляции в судебном дискурсе детерминировано интенциональным состоянием говорящего, фактором адресата и модусом общения.

Ключевые слова и фразы: аргументация; манипуляция; диалектика; дискурсивные практики; судебное разбирательство; речевое воздействие.

Крапивкина Ольга Александровна, к. филол. н., доцент

*Иркутский национальный исследовательский технический университет
koa1504@mail.ru*

**ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АРГУМЕНТАЦИИ
И МАНИПУЛЯЦИИ В СУДЕБНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ**

Введение

Востребованность исследований, в которых теоретическая проблематика соотносится с практическими задачами лингвопрагматического анализа с одной стороны, и проблематикой смежных социально-гуманитарных наук – с другой, антропоцентрический характер лингвистических исследований, центральное место в которых занимает разработка проблем, связанных с понятием «человек в языке», усиление внимания к социальным аспектам человеческой деятельности определяют актуальность настоящего исследования.

Свою цель мы видим в анализе диалектического взаимодействия рациональных и иррациональных способов воздействия на сознание присяжных заседателей в ходе судебного разбирательства. В задачи исследования

входит выявление факторов, детерминирующих соотношение аргументативной и манипулятивной составляющих в судебных дискурсивных практиках.

Новизна работы заключается в том, что впервые лингвопрагматические характеристики судебных дискурсивных практик анализируются как среда и инструмент ориентированного на Другого конструирования события преступления.

Результаты

В ходе судебного разбирательства прокурор и адвокат совершают речевые акты, стремясь убедить присяжных в достоверности выдвигаемых доводов с помощью как рациональных аргументов, так и иррациональных доводов.

Первый способ воздействия представляет собой аргументацию, задача которой – логическим путем убедить адресата принять точку зрения оратора или, в терминах прагмалингвистики, протагониста, убедить в достоверности создаваемой оратором конструкции события преступления. Этот подход предполагает «единство психологического механизма принятия решений: интуиция и дедукция, по Декарту, как ясное и отчетливое усмотрение предмета и применение единых правил и символики, основаны на идее об одинаковой разумности всех людей» [2, с. 52].

Однако человеческий фактор вносит элемент неопределенности в судебный спор, превращая доказывание из объективного познания в вербальное состязание, агон. И когда адресатом в судебном разбирательстве является носитель наивного сознания (присяжные заседатели), апелляции к иррациональной сфере обязательно входят в арсенал судебных ораторов наряду с рациональными аргументами.

Иррациональные апелляции дают более быстрый эффект, чем логически выстроенная аргументация, поскольку присяжные преимущественно «осуществляют свой выбор не на основе рациональной оценки, а на эмоциональном уровне, на основе сложившегося отношения симпатии или антипатии» [10, с. 73] или сложившихся в их феноменологическом опыте представлений о тех или иных объектах Мира Ценности.

Все случаи апелляций к чувственному миру, иррациональной сфере сознания адресата мы отнесли к манипуляции.

В совокупности с рациональными аргументами включение иррациональных средств подкрепляет убедительность судебной речи. В связи с этим представляется важным показать диалектическое взаимодействие аргументации и манипуляции, а не их противопоставление.

Целью аргументации и манипуляции является вовлечение адресата в возможный мир оратора, изменение «состояния его мысленной и нервной готовности, базирующегося на предшествующем опыте и оказывающего направляющее и динамическое влияние на поведение человека по отношению ко всем объектам и ситуациям, с которыми он связан» [12, р. 801].

В терминах прагмалингвистики, аргументация и манипуляция направлены на достижение перлокутивного эффекта высказывания [11]. Но если аргументация ориентирована на кооперацию, то манипуляция, напротив, рассматривается как разновидность нарушения коммуникативных постулатов принципа кооперации П. Грайса в результате «намеренно некорректного обращения говорящего с языком с целью повлиять на мировосприятие, систему ценностей и поведение адресата» [Цит. по: 3, с. 494], является разновидностью социальной репрессии.

Аргументация – это рациональная речевая деятельность, направленная на убеждение адресата в соответствии конструируемого оратором мира реальному миру с соблюдением законов логики.

Манипуляция нарушает законы логики. В ее основе лежит восприятие Другого как средства достижения своих целей, удовлетворения потребностей.

«Роль адресата во взаимодействии по типу «манипуляция» пассивна и предполагает принятие аргументов оратора без их критического осмысления» [8, с. 5]. Целью является вовлечение адресата в конструируемый оратором мир, склонение его к принятию точки зрения оратора.

Обязательным условием манипуляции является непризнание адресантом равноправия адресата. Судебные дискурсивные практики являются ярким примером реализации данного условия: статус эксперта является властным ресурсом говорящего. Осознавая дискурсивную власть над адресатом, говорящий пытается использовать ее как средство реализации своих интенций, эксплуатируя волю последнего.

В отличие от аргументации, которая имеет целью коррекцию возможного мира адресата, всегда оставляя за ним выбор согласиться / не согласиться с аргументами говорящего, принять / не принять создаваемую им конструкцию мира, манипуляция сохраняет лишь иллюзию самостоятельности решений и действий.

Еще одно отличие рассматриваемых форм речевого воздействия проявляется в степени соблюдения правил и норм коммуникации. Если аргументация подчиняется определенным правилам коммуникации и регулируется этическими и социально-психологическими нормами, манипуляция реализуется с помощью приемов, которые не подчиняются никаким правилам.

Успешность манипулятивного воздействия определяется его скрытостью, на которую указывает целый ряд исследователей [1; 5-7]. Идентифицировать манипуляцию можно лишь посредством анализа интенционального состояния судебного оратора в позиции наблюдателя, который владеет информацией относительно интенций манипулятора. В судебной коммуникации таким наблюдателем выступает процессуальный оппонент или судья, которые владеют полной информацией по уголовному делу и могут объективно оценить ее.

Таким образом, представляется возможным говорить о ряде признаков, позволяющих провести четкую границу между аргументацией и манипуляцией:

1) цель речевого воздействия: убедить адресата принять точку зрения оратора vs. побудить адресата к совершению выгодных оратору посткоммуникативных действий;

2) рациональность vs. иррациональность воздействия;
 3) скрытость vs. открытость воздействия;
 4) нарушение vs. соблюдение принципа кооперации: коммуникативной интенцией адресанта, использующего аргументативные методы воздействия, является взаимное сотрудничество и стремление к кооперативному поведению, а манипулятор, игнорируя постулаты принципа кооперации, стремится побудить адресата к совершению выгодных для себя посткоммуникативных действий.

Как утверждает А. М. Каплуненко, «в основе противопоставления аргументации и манипуляции лежит бинарная оппозиция, имеющая диалектический характер. Аргументация должна раскрывать свой смысл через манипуляцию, как если бы они являлись взаимопроявляющимися феноменами, где отсутствие одного привело бы к исчезновению другого» [8, с. 4]. Наличие одного способа речевого воздействия не исключает другого. Помимо отношений противопоставления, данные способы речевого воздействия связаны различными переходными отношениями.

Соотношение аргументации и манипуляции в судебных дискурсивных практиках детерминировано контекстом ситуации. Очевидно, что коммуникация в суде без участия присяжных будет намного ближе к идеальной модели аргументации, чем дискурсивные практики в суде присяжных. Экспертный состав коммуникантов (адресант и адресат – участники юридического сообщества) подразумевает апелляцию к фактическим обстоятельствам уголовного дела и положениям закона, поскольку все аргументы будут сопоставляться с экспертным знанием. «Профессионализм участников делает манипуляцию практически невозможной, потому что любые попытки манипулирования адресатом легко распознаются экспертным сообществом» [9, с. 81]. В целях убеждения носителей обыденного знания, которые осуществляют свой выбор на основе сложившихся в их феноменологическом опыте представлений, субъект сокращает аргументативную составляющую и обращается к использованию манипулятивных ресурсов.

Интенциональное состояние говорящего также детерминирует соотношение аргументативных и манипулятивных элементов в дискурсивных практиках. Стремление вовлечь адресата в конструируемый контекст ситуации предполагает доминирование манипуляции, в то время как поиск консенсуса, точек пересечения интенциональных горизонтов требует опоры на рациональные аргументы.

То же самое происходит и в случае изменения канала связи с адресатом. Письменный дискурс вынуждает субъекта обосновывать достоверность конструируемого мира с помощью *argumenta ad rem*, искать рациональные доводы, которые будут наиболее приемлемыми в возможном мире адресата и помогут достичь перлокутивного эффекта. Устная судебная речь, спонтанная по своей природе, обуславливает использование как рациональных, так и иррациональных средств воздействия на сознание адресата, при этом последние, как правило, являются доминирующими.

Отсюда можно предположить, что самыми манипулятивными жанрами судебного дискурса являются речи в судебных прениях. Именно на данном этапе судебного разбирательства обостряется борьба за дискурсивную власть, и ради достижения своей цели стороны используют преимущественно средства воздействия на иррациональную сферу сознания адресата.

В качестве примера диалектического взаимодействия аргументации и манипуляции рассмотрим фрагмент защитительной речи.

“Perhaps the most horrible crime of all is the violent rape of a child. Imagine yourself trying to explain to your child why she was raped. Mr. Buckley has told you what he would do. He would mourn for his daughter, turn the other cheek, and hope the judicial system worked. He would hope the rapist would receive justice. But what would a reasonable father do? <...> Let's talk about Cobb and Willard. <...> Child rapists. Drug pushers. Would society miss such productive citizens? We're not the other children in the county better off now that two rapists and pushers had been removed? <...> Carl Lee deserves a medal, or at least a round of applause. He was a hero. Give the man a trophy. Send him home to his family. When she was lying there, beaten, bloodied, she saw someone running toward her. It was her daddy, running desperately to save her. In her dreams she saw him when she needed him the most. He was taken away. She needs him now, as much as she needed him then. Please don't take him away. She waits on the front row for her daddy. Let him go home to his family” [13, p. 486]. / *«Изнасилование ребенка – самое ужасное из всех преступлений. Поставьте себя на место ее родителей, попытайтесь объяснить ей, почему на нее напали и сделали с ней то, что сделали. Мистер Бакли уже сказал вам, что сделал бы он. Он переживал бы о дочери, затем подставил под удар другую щеку и стал ждать, пока наша юридическая система сработает. Но что стал бы делать менее благоразумный отец? <...> Позвольте несколько слов о Коббе и Уилларде. <...> Насильники. Торговцы наркотиками. Неужели обществу будет не хватать двух таких членов? Карл Ли заслуживает медали или по крайней мере грома аплодисментов. Он герой. Так наградите же этого человека. Отправьте его домой, к семье»* [4, с. 497].

Перед нами пример сложносочинённой аргументации. Тезис (*Карл Ли был невменяем в момент совершения убийства*) доказывается с помощью ряда аргументов, однако среди обоснований не наблюдается рациональных объяснений факту бесконтрольного поведения подсудимого. Вместо этого адвокат вынужден апеллировать к иррациональной сфере сознания адресата. Стоит, однако, признать, что его судебная речь структурирована в соответствии с правилами рациональной аргументации.

Тезис защищается четырьмя аргументами (см. Рис. 1): А1: изнасилование ребенка – самое ужасное преступление, поскольку трудно объяснить ребенку почему это с ним это сделали; А2: любой благоразумный отец сделал бы на месте подсудимого то же самое; А3: подсудимый убил насильников, чтобы спасти других детей; А4: дочь нуждается в отце, ждет его.

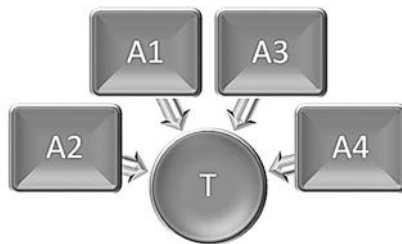

Рисунок 1. Сложносочиненная аргументация:
Т – тезис, А1, А2, А3, А4 – аргументы, которые обосновывают тезис

Апелляция к чувственной сфере адресата наблюдается во всех аргументах адвоката, увеличивая иллокутивную силу высказывания. В обращенности к присяжным, опирающимся в процессе принятия решения на феноменологический опыт, а не на экспертное знание, апелляция к иррациональному оказывается намного выгоднее. Интенсифицируя манипулятивный эффект речи, адвокат находит единую мировую, которой служит объект Мира Ценности – *ребенок*.

С помощью риторического вопроса адвокат блокирует альтернативные интерпретации Мира Действия в возможном мире адресата, навязывает ему очевидный для любого «разумного» человека ответ – отомстить за собственного ребенка, осуществив правосудие и восстановив справедливость. Доказывая, что действия подсудимого были единственно возможными для любого здравомыслящего человека, он противопоставляет их поведению, рассматриваемому как «желательное» в возможном мире прокурора. Данная стратегия представляет собой «игру с седловой точкой» (см. Рис. 2) – наибольшим элементом столбца матрицы игры, который одновременно является наименьшим элементом соответствующей строки.

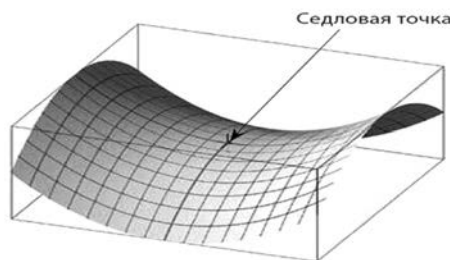

Рисунок 2. Игра с «седловой точкой»

Седловая точка – оптимальная стратегия, от которой не выгодно отклоняться игрокам-оппонентам. Прокурор и адвокат реализуют противоположные интенции. Они предлагают адресату на выбор одну из двух возможных опций. Оратор выстраивает игру таким образом, чтобы только предложенная им опция представлялась присяжным выигрышной, и ее принятие означало бы принятие конструкции мира, создаваемой оратором. В рассматриваемом примере адвокат, зная ценность прокурора (справедливость наказания для убийцы), формулирует противоположную ей антиценность (справедливость наказания для насильников ребенка) и предлагает адресату выбор – признать подсудимого невиновным или вынести обвинительный вердикт. Аргумент А3, выдвигаемый адвокатом, также основан на апелляции к чувствам. Создавая негативную характеристику личности потерпевших, адвокат пытается представить действия подсудимого как благо для общества, подвиг во имя спасения других детей. Аргумент А4 представляет собой *argumentum ad misericordiam ad Alterum*: оратор пытается вызвать жалость к изнасилованной девочке, которая в результате вынесения присяжными обвинительного вердикта может лишиться отца. Адвокат имплицитно призывает присяжных не уподобляться насильникам, отпустить отца к дочери, который сейчас нужен ей не меньше, чем в момент надругательства.

Заключение

Аргументация – это речевая деятельность, направленная на убеждение адресата в соответствии конструируемого мира миру реальному путем апелляции к рациональным основаниям. Все случаи апелляции к чувственному миру, попытки скрытого воздействия на сознание адресата были отнесены к области манипуляции – речевого воздействия, обязательным условием которого является непризнание адресантом равноправия адресата, типичное для асимметричной коммуникации.

Дискурсивные практики в суде присяжных представляют собой диалектическое взаимодействие аргументации и манипуляции, при этом их соотношение детерминировано фактором адресата, интенциональным состоянием говорящего и модусом коммуникации. В суде с участием присяжных заседателей доминирующим способом речевого воздействия является манипуляция. К использованию преимущественно манипулятивных средств воздействия располагает также устный модус общения. Если интенциональный горизонт оратора определяет стремление убедить адресата в правдоподобности собственной версии события преступления, а не установить истину по делу, он сделает выбор в пользу манипулятивных средств воздействия.

Список источников

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. М.: Эксмо, 2003. 320 с.
2. Волков А. А. Неориторика Брюссельской школы // Неориторика: генезис, проблемы, перспективы. М.: Владос, 1987. С. 46-68.
3. Гранёва И. Ю. Местоимение «мы» как средство идеологических манипуляций в русской языковой картине мира // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 494-496.
4. Гришем Дж. Пора убивать. М.: АСТ, 2003. 573 с.
5. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо; МГУ, 1996. 344 с.
6. Ермаков Ю. А. Манипуляция личностью: смысл, приемы, последствия. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 208 с.
7. Желтухина М. Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. 264 с.
8. Каплуненко А. М. О технологической сущности манипуляции сознанием и ее лингвистических признаках // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2007. № 5. С. 3-12.
9. Ли Е. В. Диалектическое взаимодействие универсальных и этнокультурных стратегий аргументации в политическом дискурсе: дисс. ... к. филол. н. Иркутск, 2011. 209 с.
10. Михалёва О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009. 252 с.
11. Сёрль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. Теория речевых актов / под ред. Б. Ю. Городецкого. С. 195-283.
12. Allport G. W. Attitudes // Handbook of social psychology. Worchester: Clark University Press, 1988. P. 798-844.
13. Grisham J. A Time to Kill. N. Y.: Random House; Dell, 2009. 544 p.

**DIALECTICAL INTERACTION OF ARGUMENTATION AND MANIPULATION
IN JUDICIAL DISCURSIVE PRACTICES**

Krapivkina Ol'ga Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Irkutsk National Research Technical University
koa1504@mail.ru

The article deals with the dialectical interaction of argumentation and manipulation in judicial discursive practices. It is noted that manipulation as a method of speech impact on the irrational sphere of consciousness violates logical laws, however, helps to achieve the perlocutionary speech effect faster than logically built-up argumentation, if the addressees are the bearers of naive consciousness. The correlation of argumentation and manipulation in judicial discourse is determined by the intentional state of the speaker, the addressee's factor and the mode of communication.

Key words and phrases: argumentation; manipulation; dialectics; discursive practices; trial; speech impact.

УДК 81.42

Дата поступления рукописи: 11.09.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-12-1.28>

В статье рассматривается проблема репрезентации эмоционального состояния страха в творчестве Л. Петрушевской. В фокусе внимания – вербализация эмоционального состояния персонажей на лексическом и синтаксическом уровнях текстового пространства. Отмечается, что на лексическом уровне языка страх фиксируется посредством отображения в семантике слов, которые используются для обозначения эмоционального состояния. Нелогичность высказываний, парцелляция, учащение темпа и сумбурность представлены на синтаксическом уровне языка. В качестве основных стилистических приемов используются повторы и градация.

Ключевые слова и фразы: эмоциональное состояние; страх; языковые средства; репрезентация; предикат; субъект; каузация.

Криволицкая Маргарита Аюшеевна
Томский государственный университет
felicita47@yandex.ru

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СОСТОЯНИЯ СТРАХА В ТВОРЧЕСТВЕ
Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «СТРАНСТВИЯ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ»)**

В русской лингвистической традиции вопрос эмоционального состояния рассматривается в рамках исследования состояния как универсальной категории. Феномен состояния привлекает внимание исследователей разных направлений лингвистики. Исследователи Л. В. Щерба, Ю. Д. Апресян, Л. М. Васильев, А. Вежбицкая и др. создали классификацию лексических средств выражения состояния, применяя денотативно-понятийный подход. В грамматическом ключе ученые Ю. С. Маслов, А. В. Бондарко исследовали семантику состояния в связи с категориями вида и залога. Выражение состояния в предложениях различных семантических моделей рассматривалось в работах Н. Д. Арутюновой, В. Г. Адмони, Н. Ю. Шведовой, С. Н. Цейтлин и др. Признаки предикатов состояния (длительность, статичность, ориентированность на субъект, инактивность субъекта и др.) подробно изучены в коллективной монографии «Семантические типы предикатов» под редакцией О. Н. Селиверстовой [12].